

Миксюк, А.С. Авеста как источник по социальной истории древних иранцев / А. С. Миксюк // Лістападаўскія сустрэчы-8 [Электронны рэсурс]: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. навук. канф. у гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / навук. рэд. В. А. Фядосік, І. А. Еўтухоў. – Мінск : БДУ, 2011. – Рэжым доступу : <http://www.elib.bsu.by>, абмежаваны. – С. 34-39

А. С. Миксюк

АВЕСТА КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ

Авеста занимает особое место в фонде культурных ценностей человечества. В первую очередь она является сакральной книгой для зороастрийцев. Знание слов священной книги вменяется в обязанность не только жрецам, которые более двух тысячелетий занимаются изучением, комментированием и разъяснением смысла Авесты, но и мирянам. Вместе

с тем к этой книге проявляет неподдельный интерес широкий круг людей, свидетельством чему являются многочисленные публикации научного, научно-популярного характера, использование авестийских мотивов в художественной литературе.

Хотя о религии, государстве, обществе персов было известно еще древним грекам, с самой Авестой европейцы познакомились только в 1771 г., когда появился первый перевод А. Г. Анкетиль-Дюперрона, неоднозначно встреченный научной общественностью:

от книги, приписываемой самому пророку Заратуштре, ожидали тайн и загадок, но никак не молитв о поддержании скота или списка наказаний за те или иные проступки.

Серьезная научная разработка авестологической проблематики начинается в середине XIX в., когда Авестой стали заниматься историки культуры, филологи, религиоведы. В XIX в. Авеста многократно переводилась на европейские языки. И на сегодняшний день одними из наиболее удачных по-прежнему продолжают считаться классические переводы Дж. Дармстетера и Хр. Бартоломэ конца XIX – начала XX в. Переводы Авесты Дж. Дармстетера, наряду с переводами Л. Миллза и Э. Уэста, вошли в знаменитую оксфордскую серию «Священные книги Востока» под редакцией Ф. Макс Мюллера. Первый перевод Авесты на русский язык был осуществлен во второй половине XIX в. выходцем из Беларуси, ученым-самоучкой К. Косовичем (опубликован в 1867 г. в издании «Труды Восточного отдела Императорского Археологического общества»).

Авеста продолжает оставаться в фокусе внимания иранистов и в XX в. Обращение к этому источнику объясняется многими причинами. Будучи священной книгой, Авеста представляет немалый интерес для историков религии. Однако она содержит богатый материал, который не ограничивается религиозными вопросами. Авеста отражает также состояние философии, этики, права, дает возможность реконструировать представления древних иранцев об окружающем мире: от глобального мироустройства (Космос, пространственная и временная протяженность) до самовосприятия человека и его

места во Вселенной. Таким образом, Авеста дает обширный материал для понимания ментальности людей древности.

Важной частью системы представлений об окружающем мире является социальный компонент: устройство общества, нормы и правила, по которым оно действует, функции его членов. Необходимо отметить, что этим вопросам в Авесте уделяется немалое внимание. Структура общества находится в тесной связи со строением Вселенной и фактически отражает модель мира на уровне социальных институтов [8, 78]. Для Авесты в целом характерны дуалистические идеи, разделение всего сущего на положитель-

ное и отрицательное и противопоставление этих половин. В человеческом мире это деление проявляется в существовании групп «своих» и «чужих», выделяемых по религиозно-этическому принципу.

Горизонтальное деление общества на три сословия (жрецов, воинов и земледельцев-скотоводов), в свою очередь, отражает тройственное устройство мира. Число три достаточно часто упоминается в Авесте: триада

«благие слова – благие поступки – благие помыслы», троекратное чтение молитвы «Ашэм воху» для очищения (Видевдат 10, 7–9), после смерти человека душа в течение трех дней пребывает возле тела [11, 65]. Таким образом, авестийское общество является подтверждением теории Ж. Дюмезиля о том,

что «идеология» трехчленного деления характерна для всех индоевропейских народов и лежит в основе религиозных верований [5, 22]. Три элемента системы наделяются как космическими, так социальными «функциями». Первый элемент включает в себе представление о верховной власти в юридическом и магическом аспектах и является областью деятельности царей/жрецов. Второй элемент – олицетворение силы и поле действий воинов. И наконец, третий – обеспечение плодородия и изобилия – находится в ведении земледельцев и скотоводов [5, 40–41].

В силу самого характера источника большее внимание уделяется жречеству. Достаточно подробно описывается жизнь рядовых общинников – земледельцев и скотоводов, которые своим трудом выполняют установления бога Ахура-Мазды. В отношении воинов наибольший интерес представляют Яшты (гимны, посвященные определенным божествам), в которых упоминаются многие легендарные герои-воины, сражающиеся против дэвов (демонов) и против смертных.

В систему представлений укладывается вертикальная иерархия: дом, община, племя и область. Главы единиц отвечают за сохранение порядка в своей группе согласно общей концепции Авесты: все сущее в мире распределяется в системе категорий, каждая из которых поставлена под наблюдение «надзирателя», «*ratu-*». «*Ratu-*», с одной стороны, является типичным представителем своей группы, с другой стороны, он управляет группой и защищает ее [7, 166].

Исходя из обязанностей человека перед Ахура-Маздой выводится и социальный идеал: строгое выполнение религиозных обрядов, жизнь в довольствии, возделывание и орошение земли, разведение скота (Видевдат 3).

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос относительно временной и географической привязки данной общественной организации. Вопрос усложняется еще и тем, что в самой Авесте никаких прямых указаний на этот счет не содержится.

Судя по особенностям языка, содержанию и ряду социально-исторических моментов создание Авесты, очевидно, следует отнести к IX–VI вв. до н. э., т. е. к периоду, предшествовавшему созданию Ахеменидской державы [2, 552]. Долгое время тексты передавались изустно. Среди исследователей до сих пор нет согласия по вопросу о первой письменной фиксации источника, тем более что древнейшая рукопись Авесты, сохранившаяся до наших дней, датируется 1278 г., т. е. отстоит от традиционной даты появления Авесты на две тысячи лет [1, 31]. Нам известно лишь, что окончательная кодификация и канонизация Авесты была осуществлена в VI в. н. э. жрецом (мобедом) Вех-Шапуром при царе Хосрове I Аноширване, что зафиксировано в сочинении «Денкарт» [9, 62].

Что же касается географического горизонта Авесты, то его можно приспособить практически к любой области Ирана. Не дает возможности локализовать место создания и «географический список» Видевдата (Видевдат 1). Достаточно хорошо

иллюстрирует глубину проблемы оригинальная гипотеза Р. Меркельбаха, поместившего место сочинения одного из авестийских гимнов в Египет, исходя из указания на то, что в гимне разлив мировых вод связан с гелиакальным восхождением Сириуса (совпадает со временем паводка на Ниле). В самом же Иране восхождение Сириуса падает на максимум жары, т. е. на противоположные климатические условия [6, 101].

В данный момент в науке существуют две основные теории происхождения Авесты – «мидийская» и «восточная». Сторонники «мидийской» теории называют ее родиной город Рагу и полагают, что в Авесте описаны реалии Западного Ирана [4, 381]. По «восточной» теории, которая представляется более вероятной, родиной Авесты и местом расселения древнеиранских племен принято считать одну из областей Средней Азии. В поддержку этой теории говорят лингвистические, историко-культурные данные, религиозные и мифологические представления. Кроме того, Авеста «не знакома» с Междуречьем [3, 11].

Таким образом, рассматриваемое в Авесте общество относится к периоду не позднее первой половины I тыс. до н. э. и локализуется на территории Средней Азии.

Авеста состоит из нескольких частей, древность которых неодинакова. И хотя абсолютная хронологическая привязка каждой из частей Авесты вызывает среди исследователей большие споры, существует условное разделение на «Старшую Авесту» и «Младшую Авесту». Существование нескольких временных слоев в источнике позволяет

проследить некоторые явления в их развитии. Так, в Младшей Авесте появляется четкое разделение

семантических форм на положительные и отрицательные («дэвовские») по религиозно-этическому принципу [6, 99]. От Гат к Младшей Авесте происходит усложнение ритуала и связанное с ним функциональное раз-межевание жречества (один термин в Гатах и девять терминов в Младшей Авесте). Хотя чаще всего единицы социальной организации передаются в виде стандартных формул, не допускающих отклонений, что позволяет говорить о том, что модель, представленная в Авесте, воспринималась скорее как идеальная и могла в чем-то отличаться от реалий древнеиранского общества.

Трудности в работе с Авестой заключаются в том, что сохранился относительно небольшой фрагмент книги – не более четверти последней редакции, почти половина текста приходится на повторы, цитаты, молитвы, стандартные формулы [9, 65]. Кроме того, текст Авесты был записан специально созданным алфавитом: запись должна была максимально точно воспроизводить произношение священных слов [10, 16]. По другим источникам авестийский язык не известен и уже к середине I тыс. до н. э. считался мертвым, хотя и сегодня зороастрийцы продолжают пользоваться им в культовых целях.

Значимость Авесты для исторической науки заключается в том, что это

единственный письменный источник по истории иранцев доахеменидского периода, что делает сведения, содержащиеся в Авесте, уникальными. Однако, вместе тем, они не поддаются проверке. Неудивительно, что, несмотря на более чем двухсотлетнее научное изучение, Авеста продолжает оставаться ареной борьбы различных мнений, а практически все попытки интерпретации содержания носят дискуссионный характер. Тем не менее очевидно, что в Авесте содержится ключ к пониманию ментальности людей древности, их представлений об окружающем мире и организации общества.

Литература

1. *Брагинский, И. С.* Авеста / И. С. Брагинский // Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч. И. В. Рака. – СПб., 1997.

2. *Брагинский, И. С.* Древнеиранская литература / И. С. Брагинский // Поэзия и проза Древнего Востока / общ. ред. и вступ. ст. И. Брагинского. – М., 1973.

3. *Грантовский, Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э. А. Грантовский. – М., 1970.

4. *Дьяконов, И. М.* История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. / И. М. Дьяконов. – М.; Л., 1956.

5. *Дюмезиль, Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1986.

6. *Лелеков, Л. А.* Авеста в современной науке / Л. А. Лелеков. – М., 1992.

7. *Леманн, Э.* Персы / Э. Леманн // Иллюстрированная история религий: в 2 т. Т. I / под ред. Д. П. Шантепи де ля Соссей. – М., 1992.

8. *Раевский, Д. С.* Очерки идеологии скифосакских племен / Д. С. Раевский. – М., 1977.

9. *Рак, И. В.* Авеста / И. В. Рак // Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). – СПб., 1998.

10. *Соколов, С. Н.* Авестийский язык / С. Н. Соколов. – М., 1961.

11. *Darmsteter, J.* The Vendidad / J. Darmsteter // Sacred Books of the East, Volume 4. – Oxford University Press, 1880.